

Современность войны: Карл Клаузевиц и его теория

Егор Соколов

Магистрант, программа «История советской цивилизации»,
Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН).
Адрес: 125009, Москва, Газетный пер., 3-5. E-mail: sokolovgeorg@gmail.com.

Ключевые слова: философия войны; военная теория;
Карл фон Клаузевиц; советская история; советская
философия; сталинизм.

В статье рассматривается теория войны Карла фон Клаузевица в связи с вопросом о современности войны. Эта связь проблематизируется двояко: через философские источники и эпистемологический статус теории, но также через ее рецепцию в советской «военной философии». Первая часть статьи посвящена вопросу о влиянии на Клаузевица «немецкого идеализма». Во второй части анализируется оригинальный способ построения теории, необходимый для работы с войной, понятой как сложный, изменчивый, не поддающийся исчерпывающей концептуализации объект. Клаузевиц предлагает новый способ теоретизирования: релятивистский (противостоящий абстрактному или «абсолютному» мышлению), исторический (противостоящий самотождественности логических категорий) и прагматический (противостоящий философской «незаинтересованности»).

В заключение реконструируется место Клаузевица в советской воен-

ной теории. В 1920–1930-е годы Клаузевиц — признанный классик; в конце 1940-х Сталин разоблачает его как «пруссского реакционера», писавшего о «мануфактурном периоде войны»; в 1960–1980-е, несмотря на завершение борьбы с «низкопоклонством перед Западом», исторические или теоретические исследования Клаузевица не возобновляются, от него остается только упоминаемое по случаю имя и формула «Война есть продолжение политики другими средствами». Автор рассматривает это «поражение Клаузевица» как победу сталинизма, результат воспроизводства смысловых и силовых отношений, ментальных и профессиональных структур, сложившихся в позднесталинское время. Милитаризованный режим сталинской науки отчасти сохраняется в военно-научных структурах до сих пор. «Военные философы» воспроизводят устойчивые схематизмы в символическом пространстве, определяемом борьбой за «наследие Великой Победы».

КАРЛ фон Клаузевиц дает точку отсчета в разговоре о современности войны. Не потому, разумеется, что его книга «О войне», опубликованная в 1832 году, содержит «секреты военного искусства», которыми можно было бы воспользоваться сегодня. Клаузевиц предлагает способ теоретизирования, способ концептуализации войны — релятивистский, исторический и прагматический. И хотя тезис о том, что мы живем в «пост-клаузевицевскую» эпоху, можно более или менее убедительно обосновать¹, сама необходимость снова и снова — вот уже полтора века — ставить вопрос, «не устарел ли Клаузевиц», свидетельствует о том, что наше мышление все еще зависит от этого способа.

Клаузевиц объясняет необходимость теории исторической трансформацией знания о/на войне, связанной с формированием штабных структур: великие полководцы прошлого руководствовались практическим чувством, «тактом суждения», однако

... когда стоит вопрос не о единоличных действиях, а о том, чтобы на совещании убедить других, тогда необходимы ясность представления и способность усмотреть внутреннюю связь рассматриваемых явлений².

Таким образом, его теория определена как институционализирующаяся инструментальная рациональность и с самого начала связана с вопросом о современности войны. Здесь я хотел бы проблематизировать эту связь: 1) проследив источники теории Клаузевица, 2) проанализировав ее эпистемологический ста-

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ РАНХиГС) «Человек в советской истории: государственные проекты, реальные судьбы и историческая память» при поддержке Фонда Михаила Прохорова («Карамзинские стипендии — 2019»).

1. См., напр.: *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. А. Апполонова, Д. Дондуковского. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 400–411; *Ван Кревельд М.* Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 64–77.
2. *Фон Клаузевиц К.* О войне: В 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1. С. 14.

тус и 3) реконструировав историю советской рецепции Клаузевица — историю, пожалуй, даже слишком современную.

Источники теории

Клаузевиц получил прекрасное военное образование: в 1801–1803 годах он учился в берлинском Институте для молодых офицеров, окончил его лучшим на своем курсе, причем директор учебного заведения Герхард фон Шарнхорст специально отметил в выпускной оценке Клаузевица аналитические способности, знание математики и военной науки³. Между 1795 и 1805 годами он читает преимущественно военно-историческую и военно-теоретическую литературу: Раймунда Монтекукколи, Морица Саксонского, шевалье де Фоляра, Жака Антуана де Гибера, Лансело Тюрпена де Криссе, Жака Франсуа де Пюисегюра, Генри Ллойда, Дитриха Генриха фон Бюлова и многих других⁴.

Философские предпочтения Клаузевица известны. Это прежде всего Макиавелли, с которым он удивительно совпадает эмоционально: во-первых, в своей «раздвоенности»⁵, в неудовлетворенном стремлении к практической реализации своих идей, к «первым ролям», а во-вторых, в пафосе, в том специфическом романтически-прагматическом понимании политики, где «разум может стать основой героических решений»⁶. «Никакое чтение, — пишет он в 1807 году, — не принесет такой пользы, как чтение Макиавелли»⁷. Также это Монтескье, единственный философ, на которого Клаузевиц прямо ссылается в труде «О войне», вернее, в заметке, которую его жена и издатель Мария приводит в предисловии:

В записанных здесь положениях затронуты, по моему мнению, главные начала, которые составляют то, что называется стратегией. <...> Сначала я намеревался, не думая ни о какой системе или строгой последовательности, записать в кратких, точных и сжатых положениях те из важнейших пунктов по этому предмету, относительно которых я пришел к определенному выводу. При этом мне смутно рисовалась форма, в которой Монтескье

3. *Stoker D. Clausewitz. His Life and Work. N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 31.*

4. *Ibid. P. 32; Снесарев А. Е. Жизнь и труды Клаузевица. М.; Жуковский: Кучково поле, 2007. С. 57.*

5. О «раздвоенности» Клаузевица см.: Там же. С. 40–41, 45–47, 88–95, 123–125; *Aron R. Penser la guerre, Clausewitz. P.: Gallimard, 1976. Vol. I. P. 34–61.*

6. *Фон Клаузевиц К. Важнейшие принципы войны // О войне. Т. 2. С. 489.*

7. *Цит. по: Снесарев А. Е. Указ. соч. С. 59.*

обработал свой материал. <...> Однако моя природа всегда вела меня к систематизации и логическому развитию мысли; в конце концов она и в данном случае одержала верх⁸.

Влияние «немецкого идеализма» оценить сложнее: одни считают Клаузевица едва ли не гегельянцем⁹, другие говорят о кантовских мотивах¹⁰. Известно, что в Военной академии он слушал курс Иоганна Кизеветтера, популяризатора Канта, преподававшего офицерам в 1801 году этику, а в 1802 году — эстетику¹¹. Очевидно, что Клаузевиц не разделяет представления о том, что вечный мир — это «цель, которую человеку вменяет в долг его собственный разум»¹². Его описания «моральных величин» — и в книге «О войне», и в исторических работах — также не нуждаются в понятии долга или любых других категориях кантовской этики. Однако вполне вероятно, что тот способ, которым Клаузевиц пы-

8. *Фон Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 6–7.

9. Этот тезис встречается в исследовательской литературе по крайней мере с начала XX века. Возможно, одна из первых попыток доказать его была предпринята в изданной в 1911 году в Берлине работе: *Creuziger P.* Hegels Einfluss auf Clausewitz. В.: Verlag von Eisenschmidt, 1911. URL: <http://ia600407.us.archive.org/30/items/hegelseinflussauoocreu/hegelseinflussauoocreu.pdf#zoom=100>. В этом же году в Париже вышла книга французского полковника Юбера Камона (*Camon H.* Clausewitz. P.: R. Chapelot, 1911), который считает связь с Гегелем «ошибкой Клаузевица» (цит. по: *Strachan H.* Clausewitz and the Dialectics of War // Clausewitz in the Twenty-First Century. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 20). См. также: *Bentley L. W.* Clausewitz and German Idealism: The Influence of G. W. F. Hegel on “On War”. Master of Military Art and Science (MMAS) Thesis, USACGSC, Fort Leavenworth, Kansas, June 1988. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a198493.pdf>; *Cormier Y.* Hegel and Clausewitz: Convergence on Method, Divergence on Ethics // International History Review. 2014. Vol. 36. № 3. P. 419–442. Антулио Эчеварриа II указывает на статью: *Herberg-Rothe A.* Clausewitz und Hegel: Ein Heuristischer Vergleich // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 2000. Vol. 10. № 1. P. 49–84. В Советском Союзе после ремарки Ленина о Клаузевице, «оплодотворенном Гегелем» (*Ленин В. И.* Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 224), этот тезис фактически становится бесспорным, и если Александр Свечин еще пытается его обосновать (*Свечин А. А.* Клаузевиц. М.: Журналильно-газетное объединение, 1935. С. 136–139), то впоследствии о влиянии Гегеля говорят как о чем-то само собой разумеющемся. Например: Клаузевиц // Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 335.
10. Арон, например, полагает влияние Канта «более вероятным» (*Aron R.* Op. cit. Vol. I. P. 367).
11. *Снесарев А. Е.* Указ. соч. С. 285.
12. *Кант И.* К вечному миру // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 32.

тается решить проблему отношений «теории» и «действительности», инспирирован теоретической философией Канта. Конечно, это школьный и тривиализированный Кант¹³, но именно такой Кант нужен, чтобы установить соответствие между «теоретической истиной» и «действительными событиями», как Клаузевиц делает в начале главы 5 части II. «Исторического расследования» недостаточно, говорит он, эмпирическая дескрипция должна быть дополнена критикой в двух смыслах:

1. Вывод следствий из причин. Это и есть подлинное критическое исследование. Оно для теории необходимо, ибо все, что в теории может быть установлено, или подтверждено, или хотя бы пояснено опытом, достигается лишь таким путем.
2. Оценка целесообразности применявшихся средств. Это критика в собственном смысле, содержащая в себе похвалу и порицание. Здесь уже теория служит истории или, скорее, тому поучению, которое можно почерпнуть из истории¹⁴.

Схема, которую предлагает Клаузевиц, состоит, таким образом, из пяти элементов: история — критика-1 — теория — критика-2 — практика. Критика-1 («подлинная критика», возможно заимствованная из кантианской традиции) оказывается здесь звеном, с помощью которого монтируются «идеи» и «действительность», а критика-2 (критика в «собственном» или обычном смысле) позволяет переходить к действию и обосновывает его¹⁵.

Влияние Гегеля некоторые исследователи считают значительным¹⁶, хотя после «Клаузевица» Раймона Арона большинство из них согласны, что диалектика Клаузевица не гегелевская. Дело не только в том, что противоречия у него не снимаются в синтезе¹⁷; ему чужда гегелевская онтология, идеи тождества субъекта и объекта, саморазвития понятия и т. д. Клаузевиц любит работать с триадами (политика — стратегия — тактика, правительство — армия — народ и т. д.) и подчеркивать противоречия, однако разрыв

13. Стрэчан считает, например, что «Клаузевиц узнал от Канта две формы истины» (*Strachan H. Clausewitz's On War: A Biography*. N.Y.: Atlantic Monthly Press, 2007. P. 90).

14. *Фон Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 175–176.

15. Там же. С. 179.

16. Например, Мэри Калдор, одна из самых авторитетных исследовательниц современных войн (*Kaldor M. Elaborating the "New War" Thesis // Rethinking the Nature of War*. L.; N.Y.: Frank Cass, 2005. P. 220).

17. *Howard M. Clausewitz: A Very Short Introduction*. N.Y.: Oxford University Press, 2002. P. 35; *Echevarria II A. J. Clausewitz and Contemporary War*. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 38.

между субъектом и объектом, теорией и практикой, разумом и волей всегда остается для него проблематичным (и в этом смысле он, скорее, «кантианец»). Стоит учитывать, кроме того, пренебрежение Клаузевица к «туманным системам»¹⁸ — в его стиле, скорее, было бы сказать: «Тем хуже для теории». Андрей Снесарев приводит отрывок из письма (от 15 апреля 1808 года), где Клаузевиц пишет об Иоганне Готтлибе Фихте¹⁹:

Все не более, как чистая абстракция... Не очень жизненно (*praktish*) и мало связано с историей и опытным миром²⁰.

Понятно, что к гегелевским текстам это суждение можно было бы отнести с большим основанием.

Исторические аргументы в пользу гегелевского влияния ненадежны. Клаузевиц никогда не ссылался на Гегеля ни в опубликованных работах, ни в переписке и, по-видимому, никогда не встречался с ним. Влияние, соответственно, приходится устанавливать косвенным образом, например через Густава фон Грисхайма²¹, студента Гегеля, конспектами которого мы пользуемся до сих пор. Однако даже если предположить, что после 1818 года (когда Гегель становится профессором философии в Берлинском университете, а Клаузевиц — директором Прусской военной академии) Клаузевиц знакомится с философией Гегеля, «влиять на него, — как справедливо замечает Снесарев, — да еще „глубоко“, было уже поздно»²². Ряд ключевых положений его теории (в том числе «диалектика» стратегии/тактики) в более или менее развернутом виде содержится в работах, опубликованных даже до выхода в 1807 году «Феноменологии духа», в частности в первой его значительной работе, направленной против Бюлова, статье «Заметки о чистой и прикладной стратегии господина фон Бюлова, или критика содержащихся в ней взглядов», опубликованной в 1805 году в журнале *Neue Bellona*²³. Впоследствии Клаузевиц занимается военной историей, пытается понять причины катастрофы 1806 года, в 1810–1811 годах преподает в Военной академии курс «ма-

18. См., напр., предисловие («От автора») и главу 2 части II (*Фон Клаузевиц К. О войне*. Т. 1. С. 18–19, 135–140).

19. Вероятно, речь идет об «Основных чертах современной эпохи» Фихте (*Снесарев А. Е. Указ. соч. С. 292–293; Свечин А. А. Указ. соч. С. 100*).

20. Цит. по: Там же. С. 93.

21. *Bouton C. Deux penseurs de la guerre: Hegel et Clausewitz // Cahiers philosophiques*. 2007. № 110. P. 31–32.

22. *Снесарев А. Е. Указ. соч. С. 53*.

23. Там же. С. 61–65; *Stoker D. Op. cit. P. 34–35*.

лой войны» и одновременно читает стратегию 15-летнему кронпринцу (будущему Фридриху Вильгельму IV). Эти лекции лягут в основу написанных в 1812 году «Важнейших принципов войны», в которых уже разработаны некоторые понятия «О войне» (политическая цель, трение и т. д.). Преемственность настолько очевидна, что это короткое эссе, как с сожалением замечает Кристофер Бассфорд, известный военный историк, редактор *The Clausewitz Homepage*²⁴, «часто рассматривается как итог зрелой теории Клаузевица»²⁵. Это, разумеется, неверно, но показательно: Клаузевиц похож на себя самого, его основные сюжеты развиваются годами и даже десятилетиями, но не переопределяются внешним влиянием.

Речь, скорее, должна идти о пересекающихся социальных кругах. В 1807–1808 годах в Берлине и Кенигсберге Клаузевиц находится в центре интеллектуальной жизни Германии. Он исполнен ненависти к французам и настаивает на продолжении борьбы с Наполеоном, пусть даже самоубийственной. Он становится помощником своего учителя и друга генерала Шарнхорста, возглавившего Комиссию по военной реорганизации, и сближается с группой офицеров-реформаторов: Августом фон Гнейзенау, Германом фон Бойеном и Карлом фон Грольманом. Но он также проникается духом романтизма, становится другом Фридриха фон Шлегеля²⁶ и Эрнста Морица Арндта²⁷, знакомится с Ахимом фон Арнимом²⁸. В переписке с женой Марией, урожденной графиней фон Брюль (исповедником которой, кстати, был Фридрих Шлейермахер²⁹), он обсуждает Шиллера, Фихте, Гете и Стерна; сам пишет ей стихи³⁰. И даже пытается написать работу по теории искусства³¹.

В 1809 году Клаузевиц пишет анонимный ответ на статью Фихте «О Макиавелли как писателе» (1807), в котором первым делом возражает против преуменьшения значения артиллерии — на основании как работ Макиавелли («со времен Макиавелли эффе-

24. См. URL: www.clausewitz.com.

25. Bassford C. Introduction // Von Clausewitz C. Principles of War. URL: <http://www.clausewitz.com/readings/Principles/index.htm>.

26. С ним он познакомился еще в Швейцарии, у мадам де Сталь. Свечин пишет, что в статье «Немцы и французы» Клаузевиц «только продолжает мысли Шлегеля» (Свечин А. А. Указ. соч. С. 91).

27. Stoker D. Op. cit. P. 71, 72.

28. Снесарев А. Е. Указ. соч. С. 90.

29. Там же.

30. Stoker D. Op. cit. P. 86.

31. Ibid. P. 89.

тивность артиллерии по меньшей мере удвоилась»³²), так и вообще любой теории («Здесь, как и в других случаях, только опыт может привести нас к истине»³³). Очень характерный пункт: Макиавелли, столь независимый в своих суждениях о политике, слишком доверился «древним» в военных вопросах. Однако война изменилась — это, как я пытался показать³⁴, совсем не тривиальная констатация, и для Фихте еще не очевидно. С точки зрения Клаузевица, Фихте ошибается, пытаясь следовать Макиавелли, который, в свою очередь, пытался следовать римлянам. Преодолеть современный кризис можно, руководствуясь не формой, а духом³⁵. «Истинный дух войны состоит в том, чтобы задействовать силы всякого солдата настолько, насколько это возможно, и пробуждать в нем воинственные чувства, так чтобы огонь войны воспламенял каждый элемент армии»³⁶. Противопоставляя «отжившим формам ведения войны» (фаланги и легионы, как и военные «машины» XVIII века, кажутся ему «искусственными») дух, энтузиазм и энергию, Клаузевиц решает частный вопрос — предлагает увеличить количество легкой пехоты³⁷ и одновременно определяет современность войны через субъекта: «Современное военное искусство должно стремиться... к тому, чтобы оживить индивидуальные силы, насколько это позволяет природа оружия»³⁸. После Французской революции, после поражения от порожденных ею сил «техническое» решение (и Макиавелли, и Бюлова) невозможно. Решение Клаузевица центрировано на фигуре патриота, доблестного и энергичного, «сражающегося на своей земле за свободу и независимость». Формирование этого субъекта связано с определенными «гражданскими условиями, делом

32. См. перевод письма Карла фон Клаузевица к Фихте в настоящем номере «Логоса».

33. Там же.

34. Соколов Е. С. Рождение современной войны // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 175–186.

35. Использование Клаузевицем термина *Geist* служит для Стрэчана еще одним основанием говорить о философских и романтических (хотя уже Монтескье пишет о «духе» (*l'esprit*), анализируя социальные институты) корнях его теории. Стрэчан замечает также, что если в 1804 году Клаузевиц использует слово *Intelligenz* для описания рациональных процессов, то позднее он почти всегда употребляет *Geist* (Strachan H. Clausewitz's On War. P. 92–94).

36. См. письмо Клаузевица к Фихте.

37. Образ многочисленных застрельщиков следует, по-видимому, рассматривать в связи с проектом ландвера, над которым он работал в 1812–1813 годах (Снесарев А. Е. Указ. соч. С. 116–117, 140–142; Stoker D. Op. cit. P. 149).

38. См. письмо Клаузевица к Фихте.

политического порядка и воспитания»³⁹ — тезис, предваряющий новаторское, «социологизирующее» прочтение военной истории в главе 3 части VIII⁴⁰. За правильное же его использование на полях сражений отвечает искусство войны.

Статус теории

Итак, Клаузевиц сообщает, что начинал работу,

... намереваясь, не думая ни о какой системе или строгой последовательности, записать в кратких, точных и сжатых положениях... важнейшие выводы⁴¹.

Этот тип письма («*a la* Монтескьё»), характерный для «Учения о бое» (1811) и «Важнейших принципов войны» (1812), сменяется в «О войне» построением теории. Более того, систематическое теоретизирование становится в главной работе Клаузевица самостоятельной ставкой. Наибольший интерес представляет здесь, конечно, часть II, посвященная вопросу о том, как возможна теория войны.

Клаузевиц проблематизирует возможность познания войны, предлагая эскиз гносеологии, задача которой состоит в установлении связей между сложным объектом и познавательными способностями субъекта. Война — это сложный объект, «подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу»⁴², изменчивый, текущий, не поддающийся исчерпывающей концептуализации. Клаузевиц — «философ войны» — не только не претендует на звание философа⁴³, но и весьма скептически оценивает эвристический потенциал философии в отношении такого рода объектов. Философский анализ понятия войны и его логических следствий он предпринимает на нескольких первых страницах («теория абсолютной войны»), завершая его следующим показательным рассуждением:

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью — с абстракт-

39. Там же.

40. Фон Клаузевиц К. О войне. Т. 2. С. 398–409.

41. Там же. Т. 1. С. 6.

42. Там же. С. 50.

43. Там же. С. 75. А вскоре и признается в «слабой философской подготовке» (Там же. С. 88).

ным конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые в них самих заложены. Поэтому если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то мы непременно при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами попали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности⁴⁴.

Клаузевиц, таким образом, отказывается от философии, понимаемой как работа с «чистыми» понятиями, как анализ, эксплицирующий имманентную им логику, и, наконец, как «абсолютное» мышление, то есть мышление об объекте как таковом, самом по себе. Клаузевиц пишет не философию войны; его проект в некотором смысле более амбициозный — он хочет построить теорию, в которой философское суждение о сущности монтировалось бы с историей (всегда предпочитая историческое логическому⁴⁵). Более того, он предлагает другой тип теоретизирования, разрывающий с философским в нескольких ключевых пунктах.

1. Абстрактному, или «абсолютному», мышлению Клаузевиц противопоставляет мышление относительное: война должна быть понята не как таковая, не как сущность, но как (социальное) отношение, как принципиальная гетерономия. Война, помысленная философски, предполагает крайнюю эскалацию: поскольку (по определению)

... цель войны — навязать противнику нашу волю, [то] мы... стремимся достичь перевеса... но к тому же стремится и наш противник; отсюда возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии устремление к крайности⁴⁶.

44. Там же. С. 28–29.

45. «В военном искусстве опыт имеет гораздо большую ценность, чем любая философская истина» (Там же. С. 192).

46. Там же. С. 23–28.

Однако

...действительная война... не является крайностью⁴⁷, [она] исходит из общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется⁴⁸.

Война представляет собой взаимодействие, коммуникативный акт, она генетически определена политикой⁴⁹ и социально-экономической структурой. Философия раскрывает логику понятия; теория, о которой пишет Клаузевиц, должна иметь возможность работать с исторически изменчивыми связями, отношениями и гетерономиями.

2. Философия, говорит Клаузевиц, имеет дело не с реальностью, а с понятиями⁵⁰, она связана с рассудком и логикой, со стремлением к ясности и отчетливости, с необходимым, а не случайным⁵¹. Однако война — это игра, область случайного и недостоверного⁵², она не может стать предметом точного знания (образцом которого выступает для Клаузевица математика, он дважды упоминает Ньютона и Эйлера⁵³). Научной рациональности — математической, логической или философской — Клаузевиц противопоставляет иной тип интеллектуальной практики. Если научные суждения рациональны, логически последовательны и связаны между собой необходимым образом, то суждения о войне (и, что важнее, на войне) ограничено рациональны: они касаются «живых людей и моральных сил»⁵⁴, соединяют «множество величин, оценка значительной части которых может быть произведена только по законам вероятности»⁵⁵, основываются на опыте и ин-

47. Там же. С. 46.

48. Там же. С. 24.

49. «Политика является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах» (Там же. С. 164).

50. Там же. С. 48.

51. Там же. С. 44.

52. Там же. С. 43–45.

53. Там же. С. 101, 158. Строго говоря, даже трижды: первый фрагмент почти дословно повторяется в главе 3 части VIII (Там же. Т. 2. С. 397).

54. Там же. Т. 1. С. 45.

55. Там же. С. 100. Об этом в части VIII: «Чтобы познать меру тех средств, которые надо подготовить для войны, мы должны продумать политический смысл ее как для нас, так и для противника; мы должны оценить силы и внутренние условия неприятельского и нашего государства, характер и качества правительства и народа как у неприятеля, так и у нас,

туиции (и, следовательно, исторически определены⁵⁶). Клаузевиц делает еще один шаг, связывая модус суждения с познавательными способностями субъекта: если рассудок стремится к ясности и определенности, то дух «привлекается неведомым», «предпочитает пребывать в царстве случая и счастья»⁵⁷. Таким образом, теория войны Клаузевица дважды преступает границы строго рационального знания, одновременно проблематизируя «духовные силы» и опираясь на них.

3. Отказ от философской «незаинтересованности» связан с прагматикой: Клаузевиц пишет теорию для войны. Его задача — не познание войны *sub specie aeternitatis*, но также и не перечень «стратагем», почерпнутых из опыта (или из трудов римских историков), и не «положительное учение», то есть набор принципов и правил, представляющих собой непосредственное руководство к действию (в главе 2 части II Клаузевиц, не называя имен, критикует Бюлова и Жомини за попытку создать такого рода учение, «однобокое» и «исключительно геометрическое»⁵⁸). Переход от краткого изложения «важнейших выводов» к систематическому теоретизированию⁵⁹ — это изменение не только формы, но и всей логики работы: не компендиум, не свод знаний и наставлений, а теория, понятая как «рассмотрение», то есть интеллектуальная практика, критическое исследование, установление связей и отношений, оценка. Цель теории как интеллектуальной практики заключается в трансформации субъекта познания, «вос-

наконец, политические отношения с другими государствами и то воздействие, какое на них может оказать война. Легко понять, что взвешивание всех этих разнообразных обстоятельств, различным образом переплетающихся друг с другом, представляет крупную задачу; требуется подлинное прозрение гения, чтобы быстро установить верное понимание, так как совершенно невозможно овладеть всем этим множеством данных с помощью лишь школьно-правильного размышления» (Там же. Т. 2. С. 397).

56. Там же. С. 410.

57. Там же. Т. 1. С. 44.

58. Клаузевиц приводит три решающих аргумента: «Все подобные попытки... стремятся к определенным величинам, в то время как на войне все неопределенно, и в расчет входят явно переменные величины... направляют исследование лишь на величины материальные, в то время как военные действия насквозь пронизаны духовными силами и воздействиями... всегда имеют в виду лишь действия одной стороны, между тем как война представляет постоянное взаимодействие противных сторон» (Там же. С. 138–139).

59. Предисловие жены, Марии фон Клаузевиц, позволяет датировать его начало 1818 годом (Там же. С. 8–9).

питании суждения», «переходе из объективной формы знания в субъективную форму умения»⁶⁰. Но необходимость такой теории определяет объект: изменчивость и неопределенность войны, с одной стороны, и трение, с другой стороны, обуславливают двойной отказ от универсальности.

Во-первых, это отказ от базовой для новоевропейской философии пресуппозиции — об универсальности познавательной способности. Если, как это формулирует Гоббс, «все люди рассуждают от природы одинаково и хорошо, когда у них хорошие принципы»⁶¹, задача только в том, чтобы сформулировать «правила для руководства ума» или обнаружить границы познания. Клаузевиц же использует понятие «трения», чтобы ввести различие между теоретическим и практическим суждениями («Трение — это единственное понятие, которое отличает действительную войну от бумажной»⁶²) и продемонстрировать зависимость познания от «среды», или условий, в которых оно осуществляется. Способность суждения о/на войне⁶³ определяется рядом эмпирических обстоятельств: конкретной ситуацией, но также и «военным габитусом», системой приобретенных диспозиций, порождающей и организующей практики мышления:

Как такт, почти обратившийся в привычку, всегда заставляет светского человека действовать, говорить и двигаться корректно, так же и военный опыт позволит обладающему им офицеру всегда в больших и малых делах, при каждом... ударе пульса войны распорядиться правильно и кстати⁶⁴.

Во-вторых, отказ от универсальности принципа тождества. Основанная на картезианских аксиомах, одна из которых — «немыслимо одновременно быть и не быть одним и тем же»⁶⁵, новоевропей-

60. Там же. С. 147–148.

61. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 33.

62. Фон Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 113.

63. Клаузевиц понимает связь «о» и «на» диалектически: «Настоящий теоретик похож на учителя плавания, заставляющего упражняться на суше в движениях, которые понадобятся в воде. Эти движения покажутся смешными и странными тому, кто, глядя на них, не вспомнит о воде. Отсюда же происходит непрактичность и даже пошлость теоретиков, которые сами не погружались в воду или оказались неспособными извлечь из своего опыта каких-либо общих правил: они обучают только ходить, то есть учат тому, что и без них каждый умеет» (Там же. С. 114).

64. Там же. С. 115.

65. Декарт Р. Первоначала философии // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 333.

ская философия «стабилизирует» объект познания, постулирует его самотождественность. Клаузевиц, напротив, говорит о том, что война — это «подлинный хамелеон», изменчивый и сложный объект⁶⁶. Война «изменяет свою природу» и не поддается исчерпывающей концептуализации. В теории, которая претендует стать основанием практики, объект должен быть задан нередукционистски, то есть как принципиальное множество. Клаузевиц делает это с помощью серии определений («война есть расширенное единоборство», «акт насилия», «продолжение политики другими средствами», «игра», «акт человеческого общения», «деятельность воли», «столкновение противоположных сил» и т. д.), но прежде всего — вписывая войну в эмпирические ряды, понимая ее как социальное отношение, реконструируя исторически изменчивые связи.

Итак, Клаузевиц предпочитает относительное абсолютному, историческое — логическому, прагматическое — философскому. Он пишет теорию для войны и хочет, чтобы она использовалась.

Для меня было вопросом честолюбия написать такую книгу, которую не забыли бы через 2–3 года, — говорит он, — которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один только раз⁶⁷.

Можно ли сомневаться в том, что даже его обостренное честолюбие было бы удовлетворено? Впрочем, несомненно и то, что Клаузевиц сильно удивился бы, узнав, как сложилась судьба его теории.

Судьба теории. Сталин vs Клаузевиц⁶⁸

Марксистская рецепция Клаузевица начинается еще в середине XIX века, но долгое время остается поверхностной и фрагментарной. В письме от 7 января 1858 года Фридрих Энгельс сообщает Марксу:

Читаю сейчас, между прочим, Клаузевица «О войне». Манера философствовать странная, но по существу очень хорошо. На во-

66. *Фон Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 50, 52.

67. Там же. С. 8.

68. Работа над этим разделом велась в рамках коллективного исследовательского проекта под научным руководством Александра Бикбова. Я благодарен за плодотворный интеллектуальный обмен постоянным участникам семинара: Александру Бикбову, Вере Гусейновой, Марии Дубовик, Георгию Коновалову, Марии Меньшиковой, Амалии Пртавян.

прос, следует ли употреблять название — военное искусство или военная наука, — ответ гласит, что война больше всего похожа на торговлю. Сражение на войне — то же, что платеж наличными в торговле: как ни редко в действительности приходится прибегать к нему, тем не менее все к нему устремлено, и в конце концов рано или поздно он должен произойти и решить дело⁶⁹.

Энгельс, которого марксисты считали «прекрасным знатоком военного дела» и даже называли в шутку «Генералом»⁷⁰, высоко оценивал Клаузевица, называл его «звездой первой величины»⁷¹, однако не работал с его теорией⁷², не ссылаясь на «О войне» ни в одном из своих многочисленных военных сочинений⁷³.

Владимир Ленин читал Клаузевица, по-видимому, в 1915 году. Во всяком случае летом этого года он цитирует формулу о войне как продолжении политики в «Крахе II Интернационала»⁷⁴, а за

69. Энгельс — Марксу, 7 января // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 29. С. 207. Энгельс соединяет здесь два фрагмента: из главы 2 части I и из главы 3 части II. Ср.: «Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни отдаленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит» (Там же. Т. 1. С. 68); «Итак, мы говорим: война относится не к области искусств и наук, а к области общественной жизни. <...> Скорее, чем с каким-либо из искусств, ее можно сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельностей, а еще ближе к ней стоят политика, которую в свою очередь можно рассматривать как своего рода торговлю высокого масштаба» (Там же. Т. 1. С. 163).
70. Либкнехт В. Воспоминания об Энгельсе // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Госполитиздат, 1956.
71. Энгельс Ф. Из введения к брошюре Боркгейма «На память Ура-патриотам 1806–1807 гг.» // Он же. Избр. воен. произв. М.: Воениздат, 1958. С. 610.
72. См. также: Gat A. Clausewitz and the Marxists: Yet Another Look // *Journal of Contemporary History*. 1992. Vol. 27. № 2. P. 363–370. Гат отмечает, в частности, что «самым цитируемым военным автором в переписке Энгельса был Жомини, главный соперник Клаузевица за звание величайшего военного теоретика XIX века, на втором месте — последователь Жомини Вильгельм Рюстов» (Ibid. P. 366).
73. Единственный раз во «Франко-прусской войне», рассуждая о законности народного сопротивления и осуждая репрессии прусской армии в отношении мирного населения, он упоминает Клаузевица в ряду немецких военных реформаторов: «Шарнхорст, Гнейзенау, Клаузевиц — все были одного мнения на этот счет» (Энгельс Ф. Бои во Франции // Он же. Избр. воен. произв. С. 543).
74. «В применении к войнам основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что „война есть просто продолжение политики другими“ (именно насильственными) „средствами“. Такова формулировка Клаузевица, одного из великих

тем в «Социализме и войне»⁷⁵, используя ее против «социал-шовинистов» Плеханова и Каутского. Борьбу против оппортунистов, «проповедующих буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества... ограничивающихся в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран»⁷⁶, Ленин вел, как известно, с самого начала Первой мировой войны. Появление ссылок на Клаузевица в его статьях никак не сказывается на аргументации, которая остается, по существу, неизменной с Базельского манифеста 1912 года⁷⁷. Эти ссылки — не более чем полемический *argumentum ad verecundiam*. Еще раз Ленин использует Клаузевица подобным образом в 1918 году — в фракционной борьбе с «левыми коммунистами», выступающими против Брестского мира⁷⁸. Результатом этого, вполне конъюнктурного, использования «О войне» становится, однако, легитимация Клаузевица в военно-теоретических исследованиях⁷⁹, которыми в 1920–1930-е годы зани-

писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время» (Ленин В. И. Крах II Интернационала. С. 224).

75. Он же. Социализм и война // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 316.
76. Он же. Война и российская социал-демократия // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 4. С. 93.
77. Он же. Оппортунизм и крах II Интернационала // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 27. С. 99–103.
78. Он же. «О левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. С. 292.
79. «Труд идеалиста-Клаузевица нашел в Красной армии читателей, благодаря его „подходу к марксизму“ и благодаря той роли, которую он сыграл в разоблачении Лениным социал-шовинизма и центризма в период империалистической войны. Диалектика Клаузевица никого в Советской стране не пугает: для нас она является ценнейшим качеством его труда. Идеалистический метод Клаузевица чужд нам, и мы, конечно, не являемся учениками Клаузевица. Но Клаузевиц представляет такую сокровищницу размышлений над жгучими вопросами ведения войны, горячих обличений часто воскресающих вновь ошибок и заблуждений в военных вопросах, обнаруживает такое мастерство в самой постановке вопросов, что ум каждого передового работника нашей страны, достаточно подготовленный к тому, чтобы отличить, где Клаузевиц прав и где он ошибается, может многое почерпнуть при странствовании с Клаузевицем по основным вопросам войны» (Свечин А. А. Указ. соч. С. 278–279).

мались офицеры Генерального штаба РККА, бывшие выпускники Николаевской академии Генерального штаба.

В 1920–1930-е годы Клаузевиц — признанный классик, работы которого необходимо исследовать и комментировать. В 1924 году под редакцией Александра Свечина выходит перевод «Основ стратегического решения», а Андрей Снесарев пишет «Жизнь и труды Клаузевица» (впервые изданы в 2001 году), в 1928 году публикуется «XII Ленинский сборник» с комментариями Ленина к «О войне», в 1934 году выходит русский перевод *opus magnum* Клаузевица (первый перевод Карла Войде 1902 года специалисты считали неудовлетворительным⁸⁰), в 1935-м — «Клаузевиц» Свечина (в серии ЖЗЛ), в 1937-м — перевод «1812». В этот период Клаузевиц (скорректированный по Ленину⁸¹) — одна из центральных фигур военной теории, которую можно использовать даже, как сделал Борис Шапошников, против Хельмута Мольтке и Альфреда фон Шлиффена⁸² (тогда как Сталин, напротив, поместит их в один ряд). Исследованиям кладут конец репрессии: Снесарев арестован в 1930 году, приговорен к расстрелу, по указанию Сталина расстрел заменен на 10 лет лагерей; Свечин арестован в 1937 году, расстрелян в 1938-м.

Важной вехой становится 1938 год, когда выходит «Краткий курс истории ВКП(б)», на который советские философы будут ссылаться десятилетием позже, в решающий момент реинституализации дисциплины. Например, в программной передовой статье «Наши задачи», опубликованной во втором номере журнала «Вопросы философии» (1947):

... впервые в истории философии диалектический материализм изложен систематически, путем выделения и раскрытия его основ-

80. «Переводчик был совершенно не подготовлен к этой ответственной задаче и выполнил ее неудовлетворительно. Во многих местах этого перевода мысль Клаузевица извращена, в других местах перевод вообще нельзя понять. Это издание создало Клаузевицу в царской армии репутацию темного писателя, забравшегося в такие дебри метафизики, в которых уже нельзя отличить и подлежащего от сказуемого» (Там же. С. 278).

81. «Война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет» (Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 319).

82. Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Военгиз, 1927–1929. Т. 1. С. 184–199, 243–257.

ных черт в последовательном виде. <...> Не менее крупный вклад внес товарищ Сталин и в теорию исторического материализма⁸³.

Сталин описывается здесь одновременно как новатор и систематизатор, тот, кто «развивает» (учение Ленина) и «обогащает» (диалектический и исторический материализм), но в то же время — тот, кто закладывает основы и «учит работать»⁸⁴. Эта схема действует и в военной теории — с несколькими симптоматическими дополнительными деталями.

Второй номер «Вопросов философии» за 1949 год, посвященный 70-летию юбилею Сталина, открывается поздравлением ЦК и Совмина, в котором перечисляются заслуги «великого вождя и учителя, продолжателя бессмертного дела Ленина» и, в частности, говорится: «...великий полководец и организатор победы, ты, товарищ Сталин, создал передовую советскую военную науку»⁸⁵. «Сталин — организатор Победы» — это распространенный троп и сегодня⁸⁶. Важно, однако, обратить внимание на два момента:

1) «победа» в тексте 1949 года пишется с маленькой буквы — она еще не стала гражданской религией, и культ Победы не сосуществует с культом Сталина, а приходит ему на смену;

2) «сталинские удары» оказываются одновременно и актом учреждения науки, сталинское руководство сражениями становится парадигмальным образцом, его действия являют также и научное знание. Впечатляющая иллюстрация тезиса о единстве теории и практики.

В действительности этот тезис нуждается лишь в небольшом уточнении: политическая практика сталинизма определяет способ теоретизирования. Рецепция Клаузевица в советской военной теории или «военной философии» может служить здесь характерным примером.

83. Наши задачи // Вопросы философии. 1947. № 2. С. 12.

84. Там же. С. 20.

85. Товарищу Сталину — великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина // Вопросы философии. 1949. № 2. С. 5. В редакционной же передовой статье «И. В. Сталин — великий продолжатель бессмертного дела В. И. Ленина» этот тезис даже усилен: «товарищ Сталин создал передовую военную науку» еще в годы Гражданской войны (И. В. Сталин — великий продолжатель бессмертного дела В. И. Ленина // Вопросы философии. 1949. № 2. С. 10).

86. Google дает тысячу результатов по точному запросу («сталин организатор победы») и 458 тысяч по неточному (сталин организатор победы).

Сталин пишет о Клаузевице небольшую статью «Ответ товарищу Разину», опубликованную в журнале «Большевик»⁸⁷. Это ответ на «Письмо товарищу Сталину» (30.01.1946) полковника Евгения Разина, военного историка, который просит разъяснить: «Как надо относиться к военно-теоретическому наследству Клаузевица?» Здесь, как и в знаменитой дискуссии о третьем томе «Истории философии» (1944, 1947), проблема заключалась в оценке наследия немецкого классика, благословенного Лениным. Разин выступает против «ревизии ленинской оценки», возражая подполковнику Мещерякову, опубликовавшему в «руководящем» журнале «Военная мысль» (№ 6–7, 1945) статью «Клаузевиц и немецкая военная идеология». Он дает отпор этой «антиленинской вылазке» и, вероятно, не сомневается, что может рассчитывать на официальную поддержку. Однако Сталин, как и в случае с Гегелем, поддерживает разоблачение реакционного характера немецкой классики:

Мы обязаны с точки зрения интересов нашего дела и военной науки нашего времени раскритиковать не только Клаузевица, но и Мольтке, Шлиффена, Людендорфа, Кейтеля и других носителей военной идеологии в Германии⁸⁸.

Клаузевиц устарел, говорит Сталин, он писал о мануфактурном периоде войны, а мы живем в машинном.

Клаузевиц несовременен, но что делать с Лениным? Ленин, объясняет Сталин, «подходил к трудам Клаузевица не как военный, а как политик», он вообще «не считал себя знатоком военного дела»⁸⁹. Эгзегетически противопоставляя Ленину Ленина же, Сталин настаивает на том, чтобы «не руководствоваться отдельными положениями и высказываниями классиков», а заниматься «самостоятельной разработкой теории Маркса»⁹⁰. Фактически «самостоятельная разработка» означала признание Сталина главным военным авторитетом. В конце статьи он советует обратить внимание на контрнаступление: парфяне, «загубившие» легионы Красса, Кутузов, «загубивший» Наполеона, и... зияющее пустое место, в котором может находиться только Сталин, «загубивший» Гитлера. Олег Хлевнюк пишет об этом:

87. Сталин И. В. Ответ товарищу Разину // Большевик. 1947. № 3.

88. Там же. С. 22.

89. Там же. С. 21–22.

90. Там же. С. 23. Курсив Ленина. — Е. С.

Конечно, Сталин напрямую не сопоставлял эти исторические прецеденты с событиями 1941–1942 годов. Однако необходимый намек был сделан. Поражения начального этапа Великой Отечественной войны фактически представлялись как вполне управляемая фаза подготовки контрнаступления, как «законная форма борьбы», а не как катастрофа, вызванная ошибками верховного командования и утратой управления войсками⁹¹.

История эта плохо кончилась и для Разина, попавшего в тюрьму⁹², и для Клаузевица, «прусского реакционера», с «незаслуженным уважением» к которому, по настоянию Сталина, было покончено⁹³. И хотя через несколько лет борьба с «низкопоклонством перед Западом» завершилась, исторические или теоретические исследования Клаузевица в Советском Союзе так и не возобновились.

Култ Победы приходит на смену культу Сталина, но остается тесно связан с ним: через троп «организатора и вдохновителя», но также через легитимацию насилия, через государственную монополию на интерпретацию и культурное наследие войны. Клаузевиц, как и другие представители «немецкой военной идеологии», проиграл, следовательно, ошибался. Как известно, практика — критерий истины. Победители не нуждаются в теории, чтобы снова и снова воспроизводить знание о войне, непосредственная данность и подлинность которого гарантированы правом наследования. Критический анализ войны (а можно ли говорить о войне вообще, не говоря о Великой Отечественной, завершающей и формирующей по своему подобию ряд побед над французами, шведами, поляками, монголами и тевтонцами?), отклоняющийся от лицензированных образцов, вызывает подозрение в предательстве или святотатстве. В конечном счете в этом отказе от теории — и выражение милитаристского национализма, и верность Победе как гражданской религии.

Если в 1920–1930-е годы Клаузевиц — признанный классик, то в 1960–1980-е от него остается только тень, только упоминаемое по случаю имя и формула «Война есть продолжение политики другими средствами». В 1960–1980-х годах общими вопросами

91. Хлевнюк О. Сталин: Жизнь одного вождя. М.: АСТ; Corpus, 2015. С. 361.

92. Он получил десять лет исправительно-трудовых лагерей, но был освобожден, восстановлен в Военной академии имени М. В. Фрунзе и «задним числом произведен в генерал-майоры» после того, как Сталин заинтересовался в начале 1950 года его «Историей военного искусства». См.: Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2002. С. 243–244.

93. Сталин И. В. Ответ товарищу Разину. С. 22.

военной теории занимаются «военные философы» Дмитрий Волкогонов (1928 г. р.), Владимир Серебрянников (1927 г. р.), Степан Тюшкевич (1917 г. р.), Евгений Рыбкин (1924 г. р.), Василий Шеляг (1918 г. р.) и др. Авторы книг о «марксистско-ленинском учении о войне и армии», «социальной сущности войн современной эпохи» или «критике современной буржуазной апологетики империалистической войны», все они — офицеры, окончившие Военно-политическую академию имени В. И. Ленина и адъюнктуру при ней, служившие в политических отделах и/или занимавшиеся научно-педагогической деятельностью в военных вузах, ставшие в 1960–1970-е годы докторами философских наук и профессорами. Их волнуют замыслы империалистов, фальсификация истории (особенно попытки «исказить политику СССР, направленную на обуздание фашистских агрессоров»⁹⁴), типология современных войн, многочисленных угроз и опасностей, а впоследствии также «социология национальной безопасности» и «воспитание молодого поколения в духе патриотизма».

Клаузевица они знают как

... последователя философии Гегеля... сочетавшего прогрессивные буржуазные идеи с прусским национализмом... сформулировавшего положение о войне как продолжении политики, высоко оцененное классиками марксизма-ленинизма⁹⁵.

Неявное (и, возможно, неосознаваемое) соединение ленинского и сталинского определений дает симптоматичный пример компромисса, конститутивного для позднесоветского академического дискурса. Александр Бикбов описывает:

Продукт [этой] мыслительной и языковой ситуации — признанный официальным ученый комментарий, призванный блюсти чистоту использования первоисточников, — на деле таким же привычным образом объединяет и ретуширует самые разрозненные тематические контексты из различных периодов функционирования официального высказывания⁹⁶.

94. Тема неизменно актуальная с начала 1950-х годов. См.: *Ржевский О. А. Война и история (Буржуазная историография США о Второй мировой войне)*. М.: Мысль, 1976. С. 6–19.

95. Клаузевиц // *Военный энциклопедический словарь*. С. 335.

96. *Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 188.

Теоретическое место Клаузевица задается в советской «военной философии» с помощью двух лицензированных жестов: «экзегетического» и «критического».

1. Ленинские определения нуждаются в комментарии, уточняющем отношение «классиков марксизма-ленинизма» к Клаузевицу: они

... высоко ценили его как выдающегося военного мыслителя, [однако] было бы глубоким заблуждением думать, что марксистско-ленинское понимание сущности войны тождественно точке зрения Клаузевица⁹⁷.

Клаузевиц «понимал войну идеалистически»⁹⁸,

... под политикой понимал лишь внешнюю политику... совершенно не представлял обусловленности самой политики более глубокими причинами, коренящимися в экономическом строе общества⁹⁹.

Таким образом, проводятся границы, фиксируются иерархии, чистое отделяется от нечистого, предшественники — от классиков. Место Клаузевица в этом отношении гомологично гегелевскому, которое также определяется в позднесоветской философии через парадигматическую формулу компромисса «с одной стороны, с другой стороны»¹⁰⁰. Эта гомология, подобие мест в структуре советского знания, совпадение логики анализа (разумеется, не-

97. Марксизм-ленинизм о войне и армии / Под ред. С. А. Тюшкевича и др. М.: Воениздат, 1968. С. 11.

98. Тюшкевич С. А. Философия и военная теория. М.: Наука, 1975. С. 49.

99. Марксизм-ленинизм о войне и армии. С. 12.

100. См., напр.: «В этом состоит глубокое противоречие между философской системой Гегеля и его диалектическим методом, между консервативной и прогрессивной сторонами его философского учения. Это противоречие есть прежде всего противоречие между догматическими и, по существу, метафизическими выводами гегелевской философии и диалектическими принципами гегелевского метода. Но дело не только в этом. Сама диалектика Гегеля была весьма непоследовательна в силу своего идеалистического характера. Энгельс указывал, что в диалектике Гегеля имеет место, так же как и в его системе, извращение реальных отношений действительности. Гегель, как идеолог неревolutionционной немецкой буржуазии, неизбежно должен был ограничить и в значительной мере нейтрализовать революционные требования и выводы, логически вытекающие из последовательно диалектического подхода к существующему» (Краткий очерк истории философии / Под ред. М. Т. Иовчука и др. М.: Мысль, 1971. С. 292).

полное), мыслится как преемственность. Иначе говоря, прагматическое сходство, сходство способа использования фигур Гегеля и Клаузевица в академическом дискурсе, дано в этом дискурсе как сходство теоретическое, как связь самих фигур:

К определению сущности войны Клаузевиц применил философский метод Гегеля. Этот метод содержал в себе, с одной стороны, приближение к научному, диалектическому пониманию предмета, а с другой — обладал достаточной исторической ограниченностью, чтобы лечь в основу буржуазной военной науки и военной идеологии второй половины XIX, а отчасти и XX века, быстро развивавшихся в реакционную сторону. Вследствие такой противоречивости за теоретическое наследие Клаузевица (как и Гегеля) по сей день идет весьма острая борьба¹⁰¹.

2. «Борьба за наследие» разворачивается в рамках «критики буржуазных учений». Этот жанр с начала 1990-х годов нередко описывается как способ держать фигу в кармане¹⁰², но на деле, даже в случае производителей, делающих ставку на интеллектуальные достижения, оказывается гораздо более сложной игрой по перепределению и переприсвоению догмата¹⁰³. Игрой, в которой, как показывает пример «военной философии», «чисто научное обсу-

101. Рыбкин Е. И. Критика буржуазных учений о причинах и роли войн в истории. М.: Наука, 1979. С. 62.

102. См., напр., фрагмент книги Льва Клейна (*Клейн Л. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль*. М.: НЛЮ, 2017): «Многие ученые понимали, что изоляция наносит советской науке колоссальный ущерб, что необходимо знакомить широкие круги научной общественности с зарубежной классикой и с новейшим развитием научной мысли за рубежом. Но столпы режима и их идеологические церберы резонно видели в этом опасность для очага социалистической истины. <...> Опечаленные этим ученые скоро нашли выход: когда критиковались западные концепции и их авторы, хоть что-то из критикуемого неизбежно воспроизводилось. Вот это и использовали. Под предлогом борьбы с буржуазной идеологией, под предлогом критики той или иной западной научной концепции можно было ее описать. Вступить в чисто научное обсуждение ее, в дискуссию по выдвигаемым проблемам — но при неперемennom условии: отпустить несколько „разоблачительных“ и „ниспровергающих“ фраз» (цит. по: Лукавый талмудизм: 12 приемов, которые помогали советским ученым обойти цензуру // *Theory and Practice*. 01.02.2017. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15743-imitatsiya-marksizma-12-priemov-kotorye-pomogali-sovetskim-uchenym-oboyti-tsenzuru>).

103. См. вариант анализа подобной игры в моей статье: *Соколов Е. С. Философия передовиц. Мераб Мамардашвили как советский философ* // *Логос*. 2017. Т. 26. № 6. С. 1–22.

ждение» может сочетаться с реактивацией сталинской логики. Например, Евгений Рыбкин пишет:

Идея «абсолютной войны» в последующем была широко использована идеологами германского милитаризма — от Людендорфа до Гитлера. Мысль Клаузевица о том, что ведение войны с предельным напряжением сил есть ее своеобразный идеал, послужила для германского фашизма оправданием так называемой «тотальной войны»¹⁰⁴.

На следующем шаге Клаузевиц становится орудием «идеологов реакционной буржуазии, особенно тесно связанных с верхушкой агрессивного блока НАТО», «охотно использующих в своих корыстных целях его ошибочные положения»¹⁰⁵.

Таким образом, теория Клаузевица в позднесоветской «военной философии» редуцируется к проблеме соотношения войны и политики, которая ставится как генеалогическая, фактически сводится к тому, чтобы определить отношение Клаузевица, с одной стороны, к классикам марксизма-ленинизма, а с другой — к германским милитаристам и наследующим им американским империалистам. Его теория больше не имеет значения как таковая, о ней стоит говорить лишь постольку, поскольку она может быть неправильно понята или злонамеренно использована.

Я полагаю, что этот тип рецепции связан с особенностями дискурса советской «военной философии» (который благодаря своей меньшей эвфемизированности позволяет зафиксировать некоторые особенности советской философии «в чистом виде»). Я хотел бы в заключение остановиться на трех характерных чертах этого дискурса.

Милитаризованный режим сталинской науки отчасти сохраняется в военно-научных структурах, ригидных и централизованных, не обладающих даже той очень ограниченной автономией, которую получают с середины 1950-х годов академические институты. Оригинальность исследования здесь практически полностью исключена, претендующие на научный статус тексты соединяют логику учебника и листка политинформации, лицензированные движения мысли и классификации вновь и вновь повторяются на протяжении 1960–1980-х годов. «Военная философия» — это:

1. Знание воспроизводимое — вечное возвращение одних и тех же схоластических дистинкций и концептуальных схем, «диалек-

104. Рыбкин Е. И. Указ. соч. С. 64.

105. Тюшкевич С. А. Война и современность. М.: Наука, 1986. С. 33.

тических» (форма и содержание, общее и частное) и «исторических» (причины и предпосылки войны, внутренние и внешние функции армии), ведет к формированию замкнутой дискурсивной системы, в которой повторение подтверждает истинность повторяемого.

2. Знание асимметричное; социалистические и капиталистические агенты описываются различным образом, их действия *должны* объясняться с помощью разных типов причин:

Первое требование состоит в том, чтобы при анализе и систематизации причин каких-либо войн... «замыкать» их на коренную причину — источник войн. <...> В настоящее время существует основное противоречие эпохи — между империализмом и социализмом. Анализируя его с точки зрения причин военной опасности, нельзя причины войн делить на две части, равномерно раскладывая их на обе стороны противоречия. Конкретные, непосредственные причины войн вырастают из источника войн, коренящегося в одной из сторон противоречия — империализма¹⁰⁶.

3. Знание воинствующее, причем в методологическом смысле, — во-первых, партийное¹⁰⁷; во-вторых, прагматическое и «воспитательно-патриотическое»¹⁰⁸; в-третьих, разворачивающееся в пространстве, размеченном фигурами врага и Победы. Фигура врага всегда принимается в расчет — он обличается («вероломное нападение фашистской Германии») или разоблачается. Даже помогая СССР, «реакционные круги этих государств [Англии и США] ни на минуту не забывали о своей главной классовой цели — уничтожении или ослаблении Советского Союза»¹⁰⁹. Фигура Победы, обладающая в (пост)советском символическом контексте предельной легитимностью, задает горизонт теоретической работы — потому, что канонические описания Великой Отечественной войны оказываются основным историческим мате-

106. Там же. С. 17.

107. «Важнейшие понятия марксистско-ленинского учения о войне и армии... являются оружием в идеологической борьбе» (Марксизм-ленинизм о войне и армии. С. 347).

108. «Доведенные до сознания широких народных масс, понятия... в определенных условиях материализуются, становятся военной силой. Идея защиты социалистического отечества в Гражданской и Великой Отечественной войнах выступала мощным фактором победы над врагом. Это не может не учитываться военной наукой» (Там же. С. 346–347).

109. Там же. С. 26.

риалом, но также и потому, что «военные философы» стремятся назначить распорядителями наследия Победы самих себя.

Итак, Клаузевиц в позднесоветской «военной философии» перестает быть классиком, тексты которого требуют постоянного комментирования и реактуализации. Он оказывается, скорее, фигурой-формулой, устойчивой, как дефиниция из учебника (Фалес — вода, Платон — идеи, а Клаузевиц — война как продолжение политики), и описываемой через деконтекстуализирующий компромисс между ленинским и сталинским определениями. Сегодня необходимость смахнуть пыль с русского перевода «О войне» кажется очевидной, однако возможность почерпнуть из этой книги что-то стимулирующее интеллектуальную работу зависит от нашей способности построить генеалогию собственного мышления, увидеть, в какой степени советские академические институты все еще определяют мысль о современности.

Библиография

- Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, который меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Ван Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
- Декарт Р. Первоначала философии // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
- И. В. Сталин — великий продолжатель бессмертного дела В. И. Ленина // Вопросы философии. 1949. № 2.
- Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Кант И. К вечному миру // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7.
- Клаузевиц // Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983.
- Клейн Л. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: НЛЮ, 2017.
- Краткий очерк истории философии / Под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. М.: Мысль, 1971.
- Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 4.
- Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 39.
- Ленин В. И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 26.
- Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 36.
- Ленин В. И. Оппортунизм и крах II Интернационала // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 27. С. 99–103.

- Ленин В. И. Социализм и война // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 26.
- Либкнехт В. Воспоминания об Энгельсе // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Госполитиздат, 1956.
- Лукавый талмудизм: 12 приемов, которые помогали советским ученым обойти цензуру // Theory and Practice. 01.02.2107. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/15743-imitatsiya-marksizma-12-priemov-kotorye-pomogali-sovetskim-uchenym-oboyti-tsenzuru>.
- Марксизм-ленинизм о войне и армии / Под ред. С. А. Тюшкевича, Н. Я. Сушко, Я. С. Дзюбы. М.: Воениздат, 1968.
- Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2002.
- Наши задачи // Вопросы философии. 1947. № 2.
- Ржешевский О. А. Война и история (Буржуазная историография США о Второй мировой войне). М.: Мысль, 1976.
- Рыбкин Е. И. Критика буржуазных учений о причинах и роли войн в истории. М.: Наука, 1979.
- Свечин А. А. Клаузевиц. М.: Журнально-газетное объединение, 1935.
- Снесарев А. Е. Жизнь и труды Клаузевица. М.; Жуковский: Кучково поле, 2007.
- Соколов Е. С. Рождение современной войны // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 175–186.
- Соколов Е. С. Философия передовиц, Мераб Мамардашвили как советский философ // Логос. 2017. Т. 26. № 6. С. 1–22.
- Сталин И. В. Ответ товарищу Разину // Большевик. 1947. № 3.
- Товарищу Сталину — великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина // Вопросы философии. 1949. № 2.
- Тюшкевич С. А. Война и современность. М.: Наука, 1986.
- Тюшкевич С. А. Философия и военная теория. М.: Наука, 1975.
- Фон Клаузевиц К. О войне: В 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
- Хлевнюк О. Сталин: Жизнь одного вождя. М.: АСТ; Corpus, 2015.
- Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Воениздат, 1927–1929. Т. 1.
- Энгельс — Марксу, 7 января // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 29.
- Энгельс Ф. Бои во Франции // Он же. Избр. воен. произв. М.: Воениздат, 1958.
- Энгельс Ф. Из введения к брошюре Боркгейма «На память Ура-патриотам 1806–1807 гг.» // Он же. Избр. воен. произв. М.: Воениздат, 1958.
- Aron R. Penser la guerre, Clausewitz. P.: Gallimard, 1976.
- Bassford C. Introduction // Von Clausewitz C. Principles of War. URL: <http://clausewitz.com/readings/Principles/index.htm>.
- Bentley L. W. Clausewitz and German Idealism: The Influence of G. W. F. Hegel on “On War”. Master of Military Art and Science (MMAS) Thesis, USACGSC, Fort Leavenworth, Kansas, June 1988. URL: <http://dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a198493.pdf>.
- Bouton C. Deux penseurs de la guerre: Hegel et Clausewitz // Cahiers philosophiques. 2007. № 110. P. 31–44.
- Camon H. Clausewitz. P.: R. Chapelot, 1911.
- Cormier Y. Hegel and Clausewitz: Convergence on Method, Divergence on Ethics // International History Review. 2014. Vol. 36. № 3. P. 419–442.
- Creuzinger P. Hegels Einfluss auf Clausewitz. B.: Verlag von Eisenschmidt, 1911. URL: <http://ia600407.us.archive.org/30/items/hegelseinflussauoocreu/hegelseinflussauoocreu.pdf#zoom=100>.

- Echevarria II A. J. Clausewitz and Contemporary War. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
- Gat A. Clausewitz and the Marxists: Yet Another Look // *Journal of Contemporary History*. 1992. Vol. 27. № 2. P. 363–370.
- Herberg-Rothe A. Clausewitz und Hegel: Ein Heuristischer Vergleich // *Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte*. 2000. Vol. 10. № 1. P. 49–84.
- Howard M. Clausewitz: A Very Short Introduction. N.Y.: Oxford University Press, 2002.
- Kaldor M. Elaborating the “New War” Thesis // *Rethinking the Nature of War* / I. Duyvesteyn, J. Angstrom (eds). L.; N.Y.: Frank Cass, 2005.
- Stoker D. Clausewitz. His Life and Work. N.Y.: Oxford University Press, 2014.
- Strachan H. Clausewitz and the Dialectics of War // *Clausewitz in the Twenty-First Century*. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
- Strachan H. Clausewitz's On War: A Biography. N.Y.: Atlantic Monthly Press, 2007.

MODERNITY OF WAR: CARL VON CLAUSEWITZ AND HIS THEORY

EGOR SOKOLOV. MA student, "The History of Soviet Civilization" Program,
sokolovgeorg@gmail.com.

Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSSES), 3-5 Gazetny In, 125009
Moscow, Russia.

Keywords: philosophy of war; war theory; Carl von Clausewitz; Soviet history; Soviet philosophy; Stalinism.

This article discusses Carl von Clausewitz's theory of war in relation to war's modernity. This relation is analyzed in two ways: by tracing its philosophical sources and the epistemological status of the theory, but also by following how it was received in Soviet "military philosophy." The first part of the article looks into the influence of German idealism on Clausewitz. In the second part, it analyzes his original way of constructing a theory of war, which understands war as a thing that is complex, changeable, and not amenable to comprehensive conceptualization. Clausewitz offers a new way of theorizing: relativistic (as opposed to abstract or absolute modes of thinking), historical (as opposed to the invariance of logical categories) and pragmatic (as opposed to philosophically disinterested).

In conclusion the author reconstructs Clausewitz's place in Soviet military theory. In the 1920s-1930s Clausewitz was regarded as an authoritative thinker; in the late 1940s, Stalin denounced him as a "Prussian reactionary" who wrote about the outdated "manufacturing period of war" rather than its modern machine age. In the 1960s-1980s even though the struggle against "kneeling before the West" was over, historical or theoretical studies of Clausewitz were not resumed. Only his name and his famous aphorism that "war is a continuation of politics by other means" were occasionally mentioned. The author considers this "overthrow of Clausewitz" as a victory for Stalinism, the result of a replication of semantic and power relations and of mental and professional structures that were formed in late Stalinism. The militarized regime of Stalinist science has been perpetuated to some extent in current military-scientific institutions. "Military philosophers" tend to reproduce the same symbolic schemes of thought which are determined by their struggle over the "legacy of the Great Victory."

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-67-94

References

- Aron R. *Penser la guerre, Clausewitz*, Paris, Gallimard, 1976.
- Bassford C. Introduction. In: Von Clausewitz C. *Principles of War*. Available at: <http://clausewitz.com/readings/Principles/index.htm>.
- Bentley L. W. Clausewitz and German Idealism: The Influence of G. W. F. Hegel on "On War". Master of Military Art and Science (MMAS) Thesis, USACGSC, Fort Leavenworth, Kansas, June 1988. Available at: <http://dtic.mil/dtic/tr/full-text/u2/a198493.pdf>.
- Bikbov A. T. *Grammatika poriadka: Istoricheskaia sotsiologiya poniatii, kotoryi meni-aiut nashu real'nost'* [The Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality], Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014.
- Bouton C. Deux penseurs de la guerre: Hegel et Clausewitz. *Cahiers philosophiques*, 2007, no. 110, pp. 31-44.

- Camon H. *Clausewitz*, Paris, R. Chapelot, 1911.
- Cormier Y. Hegel and Clausewitz: Convergence on Method, Divergence on Ethics. *International History Review*, 2014, vol. 36, no. 3, pp. 419–442.
- Creuzinger P. *Hegels Einfluss auf Clausewitz*, Berlin, Verlag von Eisenschmidt, 1911. Available at: <http://ia600407.us.archive.org/30/items/hegelseinflussauoocreu/hegelseinflussauoocreu.pdf#zoom=100>.
- Descartes R. *Pervonachala filosofii* [Principia Philosophiæ]. Soch.: V 2 t. [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1989, vol. 1.
- Echevarria II A. J. *Clausewitz and Contemporary War*, New York, Oxford University Press, 2007.
- Engel's — Marksu, 7 ianvaria [Engels to Marx, January 7]. In: Marx K., Engels F. *Soch. 2-e izd.* [Works. 2nd ed.], Moscow, Gospolitizdat, 1962, vol. 29.
- Engels F. Boi vo Frantsii [Battles in France]. *Izbr. voen. proizv.* [Selected Military Works], Moscow, Voenizdat, 1958.
- Engels F. Iz vvedeniia k broshure Borkgeima "Na pamiat' Ura-patriotam 1806–1807 gg." [From the Introduction to Borkheim's "Zur Erinnerung fur die deutschen Mordspatrioten. 1806–1807"]. *Izbr. voen. proizv.* [Selected Military Works], Moscow, Voenizdat, 1958.
- Gat A. Clausewitz and the Marxists: Yet Another Look. *Journal of Contemporary History*, 1992, vol. 27, no. 2, pp. 363–370.
- Herberg-Rothe A. Clausewitz und Hegel: Ein Heuristischer Vergleich. *Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte*, 2000, vol. 10, no. 1, pp. 49–84.
- Hobbes T. *Leviatan* [Leviathan], Moscow, Mysl', 2001.
- Howard M. *Clausewitz: A Very Short Introduction*, New York, Oxford University Press, 2002.
- I. V. Stalin — velikii prodolzhatel' bessmertnogo dela V. I. Lenina [J. V. Stalin — Great Successor of V. I. Lenin's Immortal Affair]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1949, no. 2.
- Kaldor M. Elaborating the "New War" Thesis. *Rethinking the Nature of War* (eds I. Duyvesteyn, J. Angstrom), London, New York, Frank Cass, 2005.
- Kaldor M. *Novye i starye voiny. Organizovannoe nasilie v global'noi epokhu* [New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015.
- Kant I. K vechnomu miru [Zum ewigen Frieden]. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 7.
- Khlevniuk O. *Stalin: Zhizn' odnogo vozhdia* [Stalin: The Life of One Ruler], Moscow, AST, Corpus, 2015.
- Klauzevits [Clausewitz]. *Voennyi entsiklopedicheskii slovar'* [Military Encyclopedic Dictionary], Moscow, Voenizdat, 1983.
- Klein L. *Muki nauki: uchenyi i vlast', uchenyi i den'gi, uchenyi i moral'* [The Agonies of Science: Scientist and Power, Scientist and Money, Scientist and Morals], Moscow, New Literary Observer, 2017.
- Kratkii ocherk istorii filosofii* [Epitome of the History of Philosophy] (eds M. T. Iovchuk, T. I. Oizerman, I. Ia. Shchipanov), Moscow, Mysl', 1971.
- Lenin V. I. Doklad na II Vserossiiskom s'ezde kommunisticheskikh organizatsii narodov Vostoka [Address to the Second All-Russia Congress of Communist Organisations of the Peoples of the East]. *Poln. sobr. soch. 5-e izd.* [Complete Works. 5th ed.], Moscow, Politizdat, 1970, vol. 39.

- Lenin V.I. Krakh II Internatsionala [The Collapse of the Second International]. *Poln. sobr. soch. 5-e izd.* [Complete Works. 5th ed.], Moscow, Politizdat, 1969, vol. 26.
- Lenin V.I. O “levom” rebiachestve i melkoburzhuznosti [“Left-Wing” Childishness and the Petty-Bourgeois Mentality]. *Poln. sobr. soch. 5-e izd.* [Complete Works. 5th ed.], Moscow, Politizdat, 1974, vol. 36.
- Lenin V.I. Opportunizm i krakh II Internatsionala [Opportunism, and the Collapse of the Second International]. *Poln. sobr. soch. 5-e izd.* [Complete Works. 5th ed.], Moscow, Politizdat, 1969, vol. 27. S. 99–103.
- Lenin V.I. Sotsializm i voina [Socialism and War]. *Poln. sobr. soch. 5-e izd.* [Complete Works. 5th ed.], Moscow, Politizdat, 1969, vol. 26.
- Lenin V.I. Voina i rossiiskaia sotsial-demokratiia [War and Russian Social Democracy]. *Pervaia mirovaia voina v otsenke sovremennikov: vlast’ i rossiiskoe obshchestvo. 1914–1918: V 4 t.* [World War I in the Eyes of Contemporaries: Power and Russian Society. 1914–1918: In 4 vols], Moscow, ROSSPEN, 2014, vol. 4.
- Libknekht V. Vospominaniia ob Engel’se [Memoirs of Engels]. *Vospominaniia o Markse i Engel’se* [Memoirs of Marx and Engels], Moscow, Gospolitizdat, 1956.
- Lukavyyi talmudizm: 12 priemov, kotorye pomagali sovetским uchenym oboiti tsenzuru [Crafty Talmudism: 12 tricks Which Helped Soviet Scientists to Circumvent Censorship]. *Theory and Practice*, February 1, 2017. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/15743-imitatsiya-marksizma-12-priemov-kotorye-pomagali-sovetским-uchenym-oboyti-tsenzuru>.
- Marksizm-leninizm o voine i armii* [Marxism-Leninism on War and Army] (ed. S. A. Tiushkevich, N. Ia. Sushko, Ia. S. Dziuba), Moscow, Voenizdat, 1968.
- Medvedev Zh., Medvedev R. *Neizvestnyi Stalin* [Unknown Stalin], Moscow, Kharkiv, AST, Folio, 2002.
- Nashi zadachi [Our Tasks]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1947, no. 2.
- Rybkin E. I. *Kritika burzhuznykh uchenii o prichinakh i roli voyn v istorii* [Critique of Bourgeois Doctrines Concerning Causes and Role of Wars in History], Moscow, Nauka, 1979.
- Rzheshevskii O. A. *Voina i istoriia (Burzhuznaia istoriografiia SShA o Vtoroi mirovoi voine)* [War and History (US Bourgeois Historiography on World War II)], Moscow, Mysl’, 1976.
- Shaposhnikov B. M. *Mozg armii* [Army’s Brain], Moscow, Voengiz, 1927–1929, vol. 1.
- Snesarev A. E. *Zhizn’ i trudy Klauzevitsa* [Life and Works of Clausewitz], Moscow, Zhukovsky, Kuchkovo pole, 2007.
- Sokolov E. S. *Filosofia peredovits. Merab Mamardashvili kak sovetский filosof* [The Philosophy of Editorials. Merab Mamardashvili as a Soviet Philosopher]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2017, vol. 26, no. 6, pp. 1–22.
- Sokolov E. S. *Rozhdenie sovremennoi voiny* [The Birth of Modern War]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2015, no. 10, pp. 175–186.
- Stalin I. V. *Otvét tovarishchu Razinu* [A Reply to Comrade Razin]. *Bolshevik*, 1947, no. 3.
- Stoker D. *Clausewitz. His Life and Work*, New York, Oxford University Press, 2014.
- Strachan H. *Clausewitz and the Dialectics of War. Clausewitz in the Twenty-First Century*, New York, Oxford University Press, 2007.

- Strachan H. *Clausewitz's On War: A Biography*, New York, Atlantic Monthly Press, 2007.
- Svechin A. A. *Klauzevits* [Clausewitz], Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1935.
- Tiushkevich S. A. *Filosofii i voennaia teoriia* [Philosophy and Military Theory], Moscow, Nauka, 1975.
- Tiushkevich S. A. *Voina i sovremennost'* [War and Contemporaneity], Moscow, Nauka, 1986.
- Tovarishchu Stalinu — velikomu vozhdii i uchitelii, prodolzhatelii bessmertnogo dela Lenina [To Comrade Stalin — the Great Ruler and Teacher, the Successor of Lenin's Immortal Affair]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1949, no. 2.
- Van Creveld M. *Transformatsiia voiny* [The Transformation of War], Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2005.
- Von Clausewitz C. *O voine: V 2 t.* [Vom Kriege: In 2 vols], Moscow, Saint Petersburg, AST, Terra Fantastica, 2002.